

- ⁵⁸ АПО. С. 164.
- ⁵⁹ Там же. С. 165.
- ⁶⁰ *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 270–271; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 76–78.
- ⁶¹ АПО. С. 168.
- ⁶² Там же. С. 162, 166, 168.
- ⁶³ Там же. С. 178; АИ. Т. 2. № 336. С. 402.
- ⁶⁴ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 35–36.
- ⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 11–12.
- ⁶⁶ АПО. С. 162, 168, 186.
- ⁶⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 23.
- ⁶⁸ Там же. С. 18–25.
- ⁶⁹ Там же. С. 34.
- ⁷⁰ Там же. С. 51.
- ⁷¹ Там же. С. 59–60.
- ⁷² Там же. С. 61–62, 77–78.
- ⁷³ Детальная характеристика этого собрания дана в каталоге: *Lofstrand E., Nordquist L.* Accounts of an Occupied City. V. I–II. Stockholm, 2005.
- ⁷⁴ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.
- ⁷⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152.
- ⁷⁶ Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1:2, 1:35.
- ⁷⁷ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 334.
- ⁷⁸ *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. 1. С. 1–38.
- ⁷⁹ RA, NOA. Serie 1:35. Л. 4.
- ⁸⁰ *Lofstrand E., Nordquist L.* Op. cit. V. II. P. 56.
- ⁸¹ RA, NOA. Serie 2:23. Л. 4.
- ⁸² RA, NOA. Serie 1:35. № 21. Л. 154.
- ⁸³ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 153–168.
- ⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 87–88.
- ⁸⁵ *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 17–18.

© 2012 г. Ч. ДАНИНГ*

ТЕРРОР КАК СРЕДСТВО ВОЗМЕЗДИЯ И НАКАЗАНИЯ ВО ВРЕМЯ СМУТЫ В РОССИИ (1604–1607 гг.)

Советские историки, изучавшие Смутное время, описывали его как масштабную крестьянскую войну. Они часто изображали жестокие расправы мятежников над знатью (например, сбрасывание с высоких башен богатых и знатных особ под радостные крики толпы)¹. Такие события действительно имели место, но они были ошибочно интерпретированы в работах историков. Рассматривая акты возмездия и наказания через призму социальной революции, историки шли в неверном направлении и в значительной степени исказили образ самозванцев. Мне уже приходилось писать ранее, что в России в начале XVII в. не было крестьянской войны. Страна пережила свою

* **Даннинг Честер**, доктор исторических наук, профессор Техасского университета А&М (США).

Перевод с английского Д.А. Ляпина (Елец).

первую гражданскую войну – чрезвычайно сложный и масштабный конфликт, который разделил российское общество по вертикали, а не по горизонтали². Традиционные и устаревшие интерпретации террора и репрессий в годы Смутного времени нуждаются в пересмотре. Очевидно, понять и объяснить их старыми методами, основанными, по сути, на классовом подходе, невозможно. В данной статье анализируется влияние на общество решений Василия Шуйского в годы его борьбы с Лжедмитрием II. Рассматривая реакцию восставших на политику этого царя-узурпатора, я надеюсь пролить свет на специфику общественного создания русских людей начала XVII в.

Первую гражданскую войну в России условно можно разделить на два периода. Первый приходится на 1604–1605 гг., а второй – на 1606–1612 гг. Во время первого периода человек, выдававший себя за Дмитрия, сына Ивана Грозного, вторгся в Россию и, поддержанный народным восстанием, оказался на троне. Столетиями этого человека выставляли одиозным самозванцем (Лжедмитрием I), хотя он действительно считал себя царским сыном, а его популярность позволила восстановить порядок в стране, объединив самые разные элементы российского общества. Нет никаких доказательств того, что «царевича» поддерживали низы российского общества, боровшиеся с крепостничеством. Его сторонники никогда не выступали против крепостного режима. Некоторые историки писали о восставших как о людях, наивно веривших в «доброту царя», который может освободить их от крепостного рабства. На самом деле эти мятежники были, прежде всего, набожными православными людьми и поддерживали Дмитрия как «истинного царя» именно в силу своих религиозно-политических взглядов. Одной из основных причин отречения народа от Бориса Годунова и массового перехода людей на сторону Дмитрия, на мой взгляд, была сакрализация власти правящей династии в XVI в. Именно поэтому в народном сознании возникла вера в чудесное спасение царевича Дмитрия от смерти и в его возвращение для освобождения народа от злого узурпатора Бориса Годунова (а вовсе не от крепостничества, как писали советские историки)³.

Когда Дмитрий начал свою военную кампанию в 1604 г., он сразу получил поддержку среди всех слоев русского общества. Десятки тысяч людей были готовы рискнуть всем ради «истинного царя». Этот массовый энтузиазм сторонников Дмитрия, который потряс современников, не может быть интерпретирован как результат восстаний угнетенных слоев общества или как «наивный монархизм». Их связывали более глубокие причины. Благодаря исследованиям Д. Роуланда и В. Кивельсон мы можем высказать некоторые предположения о том, что происходило в умах сторонников Дмитрия⁴. В XVII в. сознание большинства русских людей было совершенно не секулярным. Традиционное и религиозное по своей сути, русское общество не могло оставаться лояльным к правителю, который терял божественную поддержку и сбивался с «истинного пути». Именно так и случилось с Годуновым. В умах русских людей всех слоев четко обозначилось противостояние злого царя-мучителя и того, кто считал себя истинным царем, представителем освященной династии. Секрет успеха Дмитрия заключался в том, что он сумел воспользоваться огромной волной энтузиазма, тем, что в сознании народа только он был способен вернуть России божественное заступничество⁵.

Придя к власти, царь Дмитрий быстро восстановил внутренний порядок и умело управлял страной примерно год. Вопреки закрепившемуся за ним в историографии негативному имиджу, он являлся сторонником консервативной политики и был удивительно популярен в народе. В 1606 г. он был убит небольшой группой заговорщиков, и кн. Василий Шуйский захватил трон. Это преступление немедленно разожгло гражданскую войну. Утверждая, что любимый ими царь Дмитрий избежал смерти, мятежники (среди них многие участники военного похода 1604–1605 гг.) быстро заняли почти половину России. Война бушевала еще много лет и произвела на свет примерно дюжину претендентов, выдававших себя за царя Дмитрия или других членов правившей династии. Важно помнить, что восставшие боролись, прежде всего, от имени «истинного царя». Это позволит нам лучше понять причины столь яростного противостояния и жестокостей участников гражданской войны.

Прежде всего, необходимо рассмотреть процесс вторжения Дмитрия в Россию: с самого начала этой кампании он сознательно избегал использования чрезмерного политического насилия – к удивлению современников и к радости жителей захваченных областей. Он постоянно держал в узде свое войско, запрещая грабить города и деревни, что вызывало недовольство польских наемников, которые вскоре оставили эту нерентабельную для них кампанию. Но популярность Дмитрия среди пограничного населения от этого только возросла⁶. Он также старался всегда платить за поставки в его армию продовольствия с занятых территорий, вместо того чтобы просто отбирать его, как было принято в те годы⁷. Удивленные такой заботой, жители пограничных областей стекались под его знамена целыми группами⁸. Захваченных в плен не казнили, а только допрашивали⁹. Некоторые воеводы, сторонники Годунова, ненавистные местным жителям, были убиты собственными подчиненными прежде, чем ворота были открыты армии Дмитрия¹⁰. Только несколько захваченных в плен воевод были казнены с целью запугать тех, кто отказывался признать право Дмитрия на трон. Большинство пограничных воевод присягнули Дмитрию и сразу были приняты на службу. Информация о том, что перешедшие на сторону «царевича» пользуются почетом и уважением, а также сохранили свой ранг, распространилась молниеносно и побудила к измене Годунову некоторые колеблющиеся города¹¹.

Во время военных действий обе стороны периодически применяли насилие, но сохранившиеся документы ясно показывают, что армия царя Бориса первой обратилась к масштабному террору. После того как в январе 1605 г. войска Дмитрия были побеждены в сражении при Добрыничах, разгневанные воеводы Годунова безжалостно наказали захваченных в плен мятежников. Несколько тысяч из них (включая мелкое дворянство, казаков, стрельцов, горожан и крестьян) были после сражения немедленно казнены¹². Не удовлетворившись этим, главный воевода кн. Василий Шуйский начал карательный поход на Северщину, чтобы устрасить восставших¹³. Вместе с войсками Шуйского на мирное население нападали около 450 касимовских татар, которых современники описывали как «больших специалистов в области насилия», они «разорили страну до такой степени, что не оставили стоять ни стены, ни стебля»¹⁴. Область была полностью разграблена, дома и сараи разрушены, поля выжжены, домашний скот и тысячи людей убиты. Их вешали на деревьях, затем поджигали или использовали как мишени для учебной стрельбы. Женщин насиловали, мучили, сажали на колья. Маленьких детей топили, тех, кто постарше, продавали в рабство. Учитывая богатство области и тот факт, что Дмитрий ничего здесь не захватывал, можно сказать, что добыча Шуйского была огромна¹⁵.

Карательная кампания Шуйского должна была усилить фанатичную поддержку Дмитрия на юго-западе России. Население пограничных областей теперь открыто отказывалось признавать Бориса Годунова законным царем и обратилось к «истинному царю» Дмитрию как к единственному защитнику¹⁶. На его сторону встали и те, кто раньше оставался «вне игры». Даже среди замученных людьми Шуйского никто не отрекся от Дмитрия и не признал его самозванцем: они с радостью принимали пытки ради Дмитрия, которого никогда не видели, рассматривая свою смерть как акт мученичества¹⁷. Вести о злодеяниях армии царя Бориса быстро распространились за пределами юго-западной России. Население соседних областей, узнав об этих ужасах, решило, что никаких надежд на помилование нет, и им остается только до последнего защищать своего претендента. По словам современника, «все те, кто мог достигнуть Дмитрия или присоединиться к его армии, торопились принести ему клятву верности»¹⁸. Вскоре фактически все население южнорусского пограничья объединилось для поддержки «истинного царя»¹⁹. Это привело в замешательство противников Дмитрия.

Имея на своей стороне половину страны, мнимый сын Ивана Грозного вскоре двинулся на Москву. Показательно, что мятеж в армии молодого царя Федора Борисовича и народное восстание в Москве, свергнувшее Годуновых, прошли почти без кровопролития²⁰. Сегодня нам трудно понять, почему Дмитрий выбрал именно такую стратегию борьбы за престол, необычную для Средневековья и Нового времени. И оказавшись на

троне, он наивно прощал своих врагов и пытался управлять страной без использования насилия²¹. Вопреки пропагандистским рассказам о «злом самозванце», не было никаких репрессивных мер, массовых казней или тайных убийств во время короткого правления этого народного государя²². Царь Дмитрий был мягким правителем, и при этом смелым на грани глупости: столь велика была его уверенность в преданности подданных²³. Он допустил роковую ошибку, игнорируя предупреждения о заговоре. В мае 1606 г. царь Дмитрий был убит во время празднования собственной свадьбы небольшой группой представителей знати во главе с Василием Шуйским, который через несколько дней объявил себя царем, разжигая этим актом пожар гражданской войны²⁴.

Известие о государственном перевороте и слухи о чудесном спасении царя Дмитрия быстро достигли юго-западной России. Как и во время первого этапа гражданской войны, именно эта область стала основной базой восстания, поставляя для него людей, оружие, продовольствие и деньги. Путивль вновь стал столицей мятежников. Причины этого очевидны. Жители этих мест не только помнили о милостивом Дмитрии, но и хорошо знали, что узурпатор Василий Шуйский был тем самым командующим, который устроил кровавый террор в Северской земле в 1605 г.²⁵ В течение второй половины 1606 г. два крупных войска повстанцев продвинулись из юго-западных окраин к Москве. Многие города сдавались им без боя, другие после небольшой борьбы. Некоторые воеводы были убиты подчиненными или горожанами еще до занятия городов мятежниками²⁶, иные присягали Дмитрию. Лишь немногие отказались и были убиты. Так же, как и в первый период войны, с пленными обращались довольно хорошо²⁷. Традиционно историки усматривают большую разницу между двумя группами мятежников. Войско Ивана Болотникова якобы состояло из крестьян, выступавших против власти помещиков. Они убивали и грабили богатых и помогали бедным. Другая группа восставших, во главе с дворянином Истомой Пашковым, симпатизировала знати²⁸. Реально же между ними не было никакой разницы в социальном составе, поведении или в отношении к пленным²⁹. Захваченных в плен знатных сторонников Шуйского и Болотников, и Пашков отправляли в Путивль, чтобы разобраться с ними позже³⁰.

Двухмесячная осада Москвы закончилась поражением мятежников в начале декабря 1606 г. Царь Василий, победив, вновь демонстрировал все те ужасы насилия, что и ранее. Он приказал своим войскам уничтожить тысячи восставших. Согласно сведениям современника, пленники были выстроены в линию около реки Яузы и «забиты как рогатый скот ударами дубины по лбу, а затем брошены под лед»³¹. Сотни мятежников были посланы в Новгород, но по прибытии туда их постигла такая же участь³². Всего после осады Москвы были казнены около 15 тыс. мятежников³³. Каковы были причины столь жестокого обращения с пленными? Сторонники Шуйского утверждали, что все казненные были ворами и холопами, восставшими против своих хозяев³⁴. Вероятно, царь пытался внушить колеблющимся, что его враги опасны для всей правящей элиты. С другой стороны, он хотел запугать мятежников, охладить их пыл. Однако кровавый террор Шуйского не вызвал желаемого результата. Напротив, массовые казни только озлобили мятежников, особенно казаков, которые стали бороться за «царя Дмитрия» еще более ожесточенно, прибегая при этом к крайне жестоким мерам против сторонников «кроважидного узурпатора».

После прекращения осады Москвы восставшие во главе с Болотниковым отступили к Калуге. Здесь весной 1607 г. силы повстанцев объединились и успешно сопротивлялись осаждавшей город армии царя Василия. Первое время Болотников и его полководцы (возможно, подражая поведению Дмитрия) не решались платить той же монетой за террор, устроенный Шуйским.

В Путивле местные лидеры вступили в переговоры с находившимися на южной границе казаками, среди которых был «царевич Петр», мнимый сын Федора Ивановича. Этот самозванец поспешил к Путивлю с многочисленными казачьими войсками с Терека, Волги и Дона³⁵. Вопреки советской интерпретации Смутного времени, все эти казаки были ворами, авантюристами и наемниками, а никак не социальными революционерами³⁶. Большинство жителей южнорусского региона приветствовали Петра, как

когда-то Дмитрия, и клялись ему в верности³⁷. Традиционно историки характеризовали прибытие Петра в Путивль как переворот в ходе восстания, считая, что городские низы и казаки стали новыми его лидерами, оттеснив знатных руководителей. Казаки считались более радикально настроенными в политическом и социальном плане³⁸. Однако это было не так, хотя Петр действительно дал толчок новой волне гражданской войны, увеличив число казаков в лагере противников Шуйского. Фактически казаки стали основной силой в борьбе с ним³⁹. Вопреки утверждениям некоторых советских историков, нет никаких доказательств того, что Петр намеревался провести социальные реформы. С другой стороны, он быстро показал себя не очень похожим на Дмитрия. Это был типичный представитель низов, который не умел вести себя и даже говорить как знатный человек; он не прощал обид, был жестоким и злопамятным. Некоторые историки утверждали, что в Путивле Петр «начал массовый террор», направленный против дворянства⁴⁰. В действительности репрессии были направлены равно на всех сторонников Шуйского: знатных, богатых и представителей социальных низов.

Вскоре после прибытия Петра в Путивль настоятель местного монастыря, пытавшийся обличать самозванца, был сброшен толпой горожан с высокой башни⁴¹. Вскоре после этого, согласно враждебному Петру летописцу, он «пролил много крови» воевод и дворян (источник сообщает о казни 70 человек в один день)⁴². Эта цифра вызывает сомнения, но факт, что казни пленных дворян в Путивле имели место, очевиден⁴³. К сожалению, многие историки смешивают убитых в Путивле при Петре с теми, которые погибли там в самом начале восстания против Шуйского. Казненных представителей знати при Лжепетре было не так уж много⁴⁴. Некоторые историки утверждают, что массовый террор Шуйского после победы под Москвой был ответом на террор Петра в Путивле⁴⁵. Более вероятно, что вести о резне, устроенной Шуйским, подвигли восставших на казнь упрямых его сторонников⁴⁶ (похожим способом украинские казаки ответили на террор польского правительства, казнив пленных чиновников⁴⁷). Дмитрий был милостив к пленным, и Петр Федорович старался подражать ему в этом. Казнили только тех, кто отказывался перейти на сторону самозванца⁴⁸.

Казни захваченных сторонников Шуйского в Путивле, вероятно, преследовали целью напоминание времен борьбы Ивана Грозного с изменниками. Иван Грозный почти всегда спрашивал у собравшейся толпы, заслуживает ли приведенный на казнь смерти. Если в ответ кричали «да», то царь отдавал приказ казнить его самым жестоким образом на глазах у народа. Некоторые историки считают, что такие зрелища были призваны усилить связь между народом и царем⁴⁹. Нечто похожее происходило и в Путивле. Нераскаившиеся сторонники Шуйского были осуждены толпой народа и подверглись ужасным казням (избиты до смерти, замучены, сброшены с башен и мостов или сварены в кипятке, посажены на кол, и т.п.)⁵⁰. Особенно часто подобным образом казнили тех, кто обличал Петра как самозванца⁵¹. Совпадение в формах казни, применяемых при Иване Грозном и в Смутное время, не было случайным. Иван Грозный и разбойники-казаки остались в народной памяти, судя по фольклору, как справедливые, но жестокие борцы с изменниками, очищающие Русскую землю от зла. Казаки намеренно поддерживали такую репутацию, добиваясь уважения и страха⁵². Как и другие мятежники, они казнили сторонников Шуйского еще до появления Петра Федоровича; подобного рода казни совершались и позднее в годы гражданской войны⁵³. Кроме того, происходившее в Путивле было весьма похоже на репрессии, совершенные по приказу Василия Шуйского в Северщине в 1605 г. Вероятно, это не было простым совпадением.

Эскалация террора была связана со сменой лидера в лагере восставших и хаосом в руководстве. Новый самозванец, Лжедмитрий II, не спешил появиться среди мятежников. Большинство из них одобрительно относились к казням в Путивле. Однако рост террора и насилия в сочетании с умелой пропагандой Шуйского сумели вызвать негодование и страх среди русского дворянства. В результате царевич Петр Федорович в глазах сторонников царя Василия приобрел образ кровожадного и жестокого врага⁵⁴.

Многие сочувствующие восставшим, особенно дворяне, были напуганы историями о зверских убийствах в Путивле.

Весной 1607 г. царевич Петр со своим войском двинулся к Туле, где к нему присоединилась армия Болотникова. Тем временем царь Василий лично выступил против восставших во главе огромного войска. Царская армия нанесла поражение мятежникам в начале июня. В плен было захвачено по крайней мере 1 700 человек⁵⁵. 700 из них были заключены в тюрьму, а потом отданы в холопы сторонникам Шуйских⁵⁶. Большинство были повешены. Семерым была оставлена жизнь по ходатайству нескольких дворян, которые узнали в спасенных ими людях тех, кто просил помиловать их годом ранее в Путивле⁵⁷. Армия царя Василия осаждала Тулу в течение четырех месяцев. Осажденные защищались так энергично, что войска Шуйского несли громадные потери. Сказывался также моральный упадок и дезертирство среди подчиненных царя⁵⁸. Раздраженный упорством восставших и тяготами похода, царь Василий поклялся замучить и казнить всех жителей города⁵⁹, пока же он разрешил своим войскам грабить мирное население областей, поддерживавших повстанцев. Для этой карательной акции были специально отобраны отряды татар⁶⁰. Энтузиазм мятежников в Туле угасал по мере того, как заканчивалось продовольствие; не прекращалась бомбардировка города артиллерией Шуйского. Оказавшийся в ловушке царевич Петр вновь обратился к кровавому террору, как ранее в Путивле. Его кровожадность, доходившая до садизма, оттолкнула от него часть восставших. Бессмысленным террором он показывал, что не является достойным преемником Дмитрия⁶¹.

Сложно понять, зачем он применял репрессии в Туле. Советские историки указывали на классовую сущность террора, направленного против помещиков и богатых горожан⁶². Факты свидетельствуют о том, что Петр казнил людей, отказавшихся присягнуть ему, не взирая на их социальную принадлежность⁶³. Трудно отделить реальность от вымысла, ведь пропаганда Шуйского сознательно демонизировала образ самозванца⁶⁴. Террор в Туле во многом был связан с отчаянием восставших. Разгневанные затянувшейся войной, обе стороны вымещали злость в казнях и убийствах. Кроме того, решение Шуйского начать разорение мирных областей, оказавшихся на стороне восставших, способствовало росту насилия в осажденной Туле⁶⁵. Гнев Петра обратился, прежде всего, на пленников, захваченных в начале мая 1607 г. Десятки человек были замучены до смерти⁶⁶. Если мы вспомним о казаках в лагере восставших, которые перешли на службу к Шуйскому в ходе осады Москвы, а затем вернувшихся к мятежникам, то легко представить их рассказы о массовых казнях, устроенных Шуйским в декабре 1606 г. Без сомнения, они разжигали страсти среди мятежников. Как и в Путивле, толпе народа перед казнью давали возможность спасти пленника. Чаше всего народ одобрительно относился к жестокому убийству, но, по крайней мере, одному пленнику повезло: толпа выкрикнула «нет» на вопрос о том, стоит ли его казнить⁶⁷. Некоторых пленников избивали и бросали в тюрьму, где они умирали от голода⁶⁸. Попыткам также подвергали крестьян, которых обвиняли в сокрытии зерна. Царевич Петр, подобно Ивану Грозному, старался сделать из массового террора развлечение; больше всего он любил смотреть на травлю людей медведем⁶⁹. Трудно понять, что толкало Петра Федоровича на такие жестокие развлечения: собственные садистские наклонности, необузданный гнев или просто скука сидящего без дела и пойманного в ловушку человека.

После затопления Тулы мятежники были вынуждены сдаться. Иван Болотников пошел на это добровольно, а Петра Федоровича пришлось связать, прежде чем доставить в лагерь Шуйского⁷⁰. Самозванного царевича публично оскорбляли, били и мучили, а затем повесили. Никто не возмущался против этого, никто не оплакивал его страшную смерть. Напротив, коварное убийство Болотникова Шуйским, в нарушение данного обещания, вызвало бурный протест в народе. Болотников был популярен, так как редко использовал пытки и не одобрял террора. Обман Шуйского вызвал резкое отвращение у народа, авторитет царя окончательно упал, а энергия мятежников, направленная на отстаивание «истинного царя», возросла⁷¹.

Подводя итоги, мы можем сделать одно очевидное заключение. В 1604 г. мятежников толкнула на выступление против власти искренняя вера в то, что они обязаны бороться против ложных царей и поддерживать законных правителей, власть которых дана от Бога. Именно с этих позиций мы должны изучать террор – как средство возмездия и наказания в годы Смуты. Даже казаки оправдывали свою жестокость местью за истинного царя Дмитрия⁷². Гибель Дмитрия вызвала новый этап гражданской войны, затянувшийся на много лет⁷³. Наконец, стоит вспомнить, как часто от конкретных людей зависит ход истории. Если бы Василий Шуйский был менее кровожадным, мстительным и жестоким, то террор с обеих сторон не достиг бы такого размаха. Именно образ хитрого узурпатора и кровавого тирана Шуйского служил предметом ненависти восставших. Безумная жажда власти погубила самого царя Василия и поставила на край пропасти страну.

Примечания

¹ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 250–252; Perry M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 124–125, 131, 136–139; ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 72, 74, 105.

² Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001.

³ Там же. См. также: Tilly Ch. Does Modernization Breed Revolution? // Comparative Politics. 1973. № 5. P. 447; Kimmell M. Revolution: A Sociological Interpretation. Philadelphia, 1990. P. 11.

⁴ Rowland D. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)? // The Russian Review 49 (April 1990). P. 125–155; Kivelson V. «The Devil Stole His Mind»: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // The American Historical Review 98. June, 1993. P. 733–756.

⁵ Историческое и правдивое повествование о том, как московский князь Дмитрий Иоаннович достиг отцовского престола // Старина и новизна. 1911. № 15. С. 24; Материалы по Смутному времени на Руси в XVII в. // Там же. № 14. С. 398–399, 533.

⁶ Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War... P. 144, 162; Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 39. Л., 1927. С. 369–370.

⁷ Massa I. A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow under the Reigns of Various Sovereigns down to the Year 1610. Toronto, 1982. P. 76; Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908. С. 37–38.

⁸ Dunning Ch.S.L. Russia's First Civil War... P. 145, 163; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 2. М., 1819. № 139; Пясецкий Г. Исторические очерки города Севска и его уезда // Сборник Орловского церковно-археологического общества. Орел, 1906. С. 22.

⁹ РИБ. Т. 1. СПб., 1872. С. 367; СГГД. Ч. 2. С. 169; Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 137. М., 1912. С. 260; Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Дмитрия. СПб., 1901. С. 22.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 61–62; Т. 31. М., 1968. С. 150; РИБ. Т. 1. С. 369; Т. 13. СПб., 1891. С. 571–572, 724; СГГД. Т. 2. № 80; Margeret J. The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy: A Seventeenth-Century French Account. Pittsburgh, 1983. P. 61; Massa I. Op. cit. P. 73; Bussow C. The Disturbed State of the Russian Realm. Montreal, 1994. P. 37; Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, 20 vols. Glasgow, 1905–1907. Vol. 14. P. 159–160; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 156–157; Разрядные записи в Смутное время (7113–7121). М., 1907. С. 1, 5, 191; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 146–150, 164–169; Платонов С.Ф. Очерки истории Смутного времени в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 255.

¹¹ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979. С. 159, 203; ПСРЛ. Т. 14. С. 62; Разрядные записи... С. 84, 204; Разрядные книги 1598–1638 гг. Ч. 2. М., 1974; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. ... С. 150–151, 179.

¹² Разрядные записи... С. 238; Margeret J. Op. cit. P. 63; Massa I. Op. cit. P. 85.

¹³ Святский Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ Massa I. Op. cit. P. 76–77; Margeret J. Op. cit. P. 124; Berry Cf.L., Crummey E., Robert O. Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison, 1968. С. 180, 286–287. В XVI в. использование татарских войск для карательных походов наблюдал

Жан Мартин. См.: *Lohr E., Poe M. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War // The Military and Society in Russia 1450–1917. Leiden; Boston, 2002. P. 380–382.*

¹⁵ РИБ. Т. 13. С. 34–35; *Bussow C.* Op. cit. P. 41; *Massa I.* Op. cit. P. 77; *Попов А.А.* Изборник славянский и русский сочинений и статей, внесенных в хронограф русской редакции. М., 1869. С. 265–266.

¹⁶ *Massa I.* Op. cit. P. 77, 90–91; *Пясецкий Г.М.* Указ. соч. С. 22; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. ... С. 161.

¹⁷ Сказания современников... Ч. 1. С. 167.

¹⁸ *Massa I.* Op. cit. P. 77, 90–91.

¹⁹ РИБ. Т. 1. С. 369; Т. 13. С. 571–572; ПСРЛ. Т. 14. С. 61–62; ПСРЛ. Т. 31. С. 150; Разрядные записи... С. 1; *Purchas S.* Op. cit. Vol. 14. P. 160; *Пясецкий Г.М.* Указ. соч. С. 22; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. ... С. 161, 165–169; *Perrie M. Pretenders...* P. 63.

²⁰ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 183–190, 193–198.

²¹ СГД. Т. 2. С. 26; *Margeret J.* Op. cit. P. 69; *Скрынников Р.Г.* Смутное время в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 13–14; *Perrie M. Pretenders...* P. 87.

²² *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Chapter 12.

²³ *Палицын А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 115; *Massa I.* Op. cit. P. 117–118, 135, 138; *Bussow C.* Op. cit. P. 55–56; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 14–15, 32, 37–39; *Perrie M. Pretenders...* P. 103.

²⁴ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Chapters 13–14.

²⁵ Ibid. Chapter 15.

²⁶ Разрядные записи... С. 7, 12, 46, 79, 83, 91, 118, 139, 158; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331, 334; *Massa I.* Op. cit. P. 167; ПСРЛ. Т. 14. С. 72, 74; Восстание Болотникова: документы и материалы. М., 1959. С. 110; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 268–271; *Perrie M. Pretenders...* P. 124; См. также: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 225–226.

²⁷ Разрядные записи... С. 156; *Немоевский С.* Записки (1606–1608) // Рукописи славянские и русские, принадлежащие А. Вахрамееву. Ч. 6. М., 1907. С. 178–179; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 93, 109–110; *Bussow C.* Op. cit. P. 91; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 508; *Корецкий В.И.* Формирование... С. 268–269.

²⁸ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 267, 308–309; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 138–140, 165–189, 255–324; *Корецкий В.И.* Формирование... С. 257–262, 266–280, 282–283, 290, 309–310.

²⁹ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 284–285; *Морозов Б.Н.* Важный документ по истории восстания Болотникова // История СССР. 1985. № 2. С. 166; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 112–113, 130–132, 250–251. См. также: *Hughes L.* The Civil War in Russia at the Beginning of the Seventeenth Century (1603–1607): Its Character and Motive Forces // New Perspectives on Muscovite History. N.Y. 1993. P. 64–66.

³⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 72, 74; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331–332; Разрядные записи... С. 7, 79, 83, 139; Восстание И. Болотникова... С. 110.

³¹ *Massa I.* Op. cit. P. 163.

³² ПСРЛ. Т. 14. С. 323.

³³ *La Ville P.* Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le règne de Juan Vassilyvich Empereur, jusques a Vassily Juanovits Sousky. Paris, 1859. P. 7; *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. 1951. № 6. С. 116–117.

³⁴ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

³⁵ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 330–335.

³⁶ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks and the Southern Frontier in the Time of Troubles // Russian History. 1992. № 19. С. 57–74.

³⁷ *La Ville P.* Op. cit. P. 8; *Корецкий В.И.* Актовые и летописные материалы о восстании И.И. Болотникова // Советские архивы. 1976. № 5. С. 57.

³⁸ См., например: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 153–154; *The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604–1618. Gulf Breeze, 1988. P. 56–57.*

³⁹ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... P. 66–68.

⁴⁰ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 157–158; *Perrie M. Pretenders...* P. 136–138.

⁴¹ *Корецкий В.И.* Актовые и летописные материалы... С. 57.

⁴² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 211.

⁴³ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 337.

⁴⁴ Восстание И. Болотникова... С. 104; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 158–159; Списки, сделанные, предположительно, в Путивле, см.: Восстание И. Болотникова... С. 119, 131–132, 243; ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211, 214; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331; Акты времени правления

царя Василия Шуйского. М., 1915. (Далее – Акты Шуйского). С. 243–244; Разрядные записи... С. 8; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 97–98.

⁴⁵ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

⁴⁶ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... Р. 67.

⁴⁷ См.: *Cordon L.* Cossack Rebellions: Social Turmoil in Sixteenth-Century Ukraine. New York, 1983. Р. 198, 201.

⁴⁸ Разрядные записи... С. 84.

⁴⁹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 158; *Perrie M.* Pretenders... Р. 136–138; См. также: *idem.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987. С. 31–32, 60–65.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211; Восстание И. Болотникова... С. 104, 243; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331; *Станиславский А.Л.* Новые документы о восстании Болотникова // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 80–81; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 214; Восстание И. Болотникова... С. 132; *Perrie M.* Pretenders... Р. 136.

⁵² *Росоветский С.К.* Устная проза XVI–XVII вв. об Иване Грозном – правителе // Русский фольклор. 1981. № 20. С. 90–93; *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible... С. 62–65; См. также: *Perrie M.* Pretenders... Р. 125, 137–138.

⁵³ См., например: *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331; *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 266; Восстание И. Болотникова... С. 250–252; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221, 225–226.

⁵⁴ Акты Шуйского. С. 262; *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 80–81; См. также: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 22–23; *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 334; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

⁵⁵ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Р. 357–359.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 215; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 415; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁵⁷ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁵⁸ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 364–368; Восстание И. Болотникова... С. 117, 170–171; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 337; *Massa I.* Op. cit. Р. 173.

⁵⁹ Разрядные записи... С. 158; *Bussow C.* Op. cit. Р. 103.

⁶⁰ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336–337; Восстание И. Болотникова... С. 116–117; Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1898. С. 270; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 226.

⁶¹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 161, 253.

⁶² *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 395, 463–464.

⁶³ *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 77–78, 82.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211, 214; Восстание И. Болотникова... С. 104, 110, 131–132, 243; Акты Шуйского. С. 262; *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 80–81; См. также: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России... С. 22–23.

⁶⁵ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 374; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁶⁶ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 118; Восстание И. Болотникова... С. 106.

⁶⁷ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221.

⁶⁸ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 541–542.

⁶⁹ *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы по истории первой крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. № 1. С. 38–39; Восстание И. Болотникова... С. 106; *Perrie M.* Pretenders... Р. 137–138; См. также: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 221; *Berry Cf., Crummey E., Robert O.* Op. cit. Р. 283–284.

⁷⁰ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Р. 378–388; Акты Шуйского. С. 171–172, 181; СГГД. Т. 2. С. 154; Восстание И. Болотникова... С. 182, 222; *La Ville P.* Op. cit. Р. 9; РИБ. Т. 13. С. 587, 665; *Немоевский С.* Указ. соч. С. 217–218.

⁷¹ *La Ville P.* Op. cit. Р. 6–7; *Bussow C.* Op. cit. Р. 104; Архиепископ Елассонский Арсений и его записки о русской истории. Киев, 1899. С. 138–139.

⁷² *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... Р. 57–74.

⁷³ *Stone D.* Causal Stories and the Formation of Policy Agendas // Political Science Quarterly. № 104. 1989. С. 281–300.